7universum.com
UNIVERSUM:

ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

UNIVERSUM: ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Научный журнал

Издается ежемесячно с ноября 2013 года

Является печатной версией сетевого журнала

Universum: филология и искусствоведение

Выпуск: 12(90)

Декабрь 2021

Москва
2021

УДК 008+70/79+80/82
ББК 71+80/85
U55

Главный редактор:

Лебедева Надежда Анатольевна, д-р филос. наук;

Члены редакционной коллегии:

Бобокалонов Рамазон Раджабович, канд. филол. наук;

Бревнова Юлия Александровна, канд. культурологии;

Жукоцкая Зинаида Романовна, д-р культурологии;

Карпенко Виталий Евгеньевич, канд. филос. наук;

Купцова Ирина Александровна, д-р культурологии;

Попов Дмитрий Владимирович, д-р философии по филол. наукам;

Чурилина Любовь Николаевна, д-р филол. наук;

Шаронова Елена Александровна, д-р филол. наук.

U55 Universum: филология и искусствоведение: научный журнал. –
№ 12(90). М., Изд. «МЦНО», 2021. – 24 с. – Электрон. версия печ. публ. –
<http://7universum.com/ru/philology/archive/category/1290>

ISSN : 2311-2859

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.90.12

Учредитель и издатель: ООО «МЦНО»

ББК 71+80/85

© ООО «МЦНО», 2021 г.

Содержание	
Искусствоведение	4
Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура	4
В.Ф. СТОЖАРОВ И К.Ф. ЮОН: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СТИЛИСТИКИ МОДЕРНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА Попов Алексей Валентинович	4
Языкознание	7
Германские языки	7
ЖЕНЩИНА ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ, ИЛИ ЧЕМ МЫ ОБЯЗАНЫ ЯЗЫКОВОМУ ПАТРИАРХАТУ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ Цапаева Сабина Юрьевна	7
Русский язык	15
ИНТЕРЪЕКТИВАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ ТРАНСПОЗИЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ Жумаева Феруза Рузикуловна	15
Papers in english	20
Philology	20
Literary criticism	20
Literature of the people of the countries of abroad (with instructions of the concrete literature)	20
A WOMAN AS AN IMPLEMENTATION OF LOVE PRAISED IN POEMS OF THE 13TH BOOK BY НАКОР МEGAPART Narine Shahbazyan	20

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ И ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО
И АРХИТЕКТУРАВ.Ф. СТОЖАРОВ И К.Ф. ЮОН: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ
СТИЛИСТИКИ МОДЕРНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА*Попов Алексей Валентинович**канд. искусствоведения,
член Ассоциации искусствоведов (АИС),
РФ, г. Москва
E-mail: alespopov@yandex.ru*V.F. STOZHAROV AND K.F. YUON: THE USE OF ELEMENTS
OF THE ART NOUVEAU STYLE IN RUSSIAN PAINTING
OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY*Alexey Popov**Candidate of Science,
art Critics and Art Historians Association(AIS),
Russia, Moscow*

АННОТАЦИЯ

В статье проведен сравнительный анализ особенностей живописного почерка известного советского художника В.Ф. Стожарова (1926-1973) и представителя объединения «Мир искусства» (1898-1927) К.Ф. Юона (1875-1958). На основании сравнительного анализа установлено, что для усиления декоративного звучания создаваемых произведений оба художника осознанно видоизменяли цветовой строй существующий в действительности на более эстетически привлекательный, опирающийся на открытые и насыщенные цветовые тона, а также на броские цветосочетания.

ABSTRACT

The article presents a comparative analysis of the features of the pictorial handwriting of the famous Soviet artist V.F. Stozharov (1926-1973) and the representative of the association "World of Art" (1898-1927) K.F. Yuon (1875-1958). Based on a comparative analysis, it was found that in order to enhance the decorative sound of the created works, both artists consciously modified the color system that actually exists to a more aesthetically attractive one, based on open and saturated color tones, as well as catchy color combinations.

Ключевые слова: художник Стожаров; пейзаж второй половины XX века; модерн; «Мир искусства»
Keywords: artist Stozharov; landscape of the second half of the XX century; Art Nouveau; "World of Art"

Анализ искусствоведческой литературы показал, что исследованию влияния художественной традиции петербургских мастеров объединения «Мир искусства» (1898-1927) на московскую живопись второй половины XX в. уделено недостаточное внимание.

Поводом для проведения данного исследования стало пейзажное наследие члена-корреспондента АХ СССР, заслуженного деятеля искусств РСФСР и лауреата Государственной премии РСФСР им. И.Е. Репина Владимира Федоровича Стожарова.

Цель исследования заключается в определении степени преемственности творческого метода, используемого советским живописцем В.Ф. Стожаровым в пейзажной живописи, по отношению к художественному наследию академика АХ СССР и народного художника СССР Константина Федоровича Юона, являющегося в свое время членом художественного объединения «Мир искусства».

Для достижения сформулированной цели был проведен сравнительный анализ пейзажей В.Ф. Стожарова с произведениями признанного

отечественного живописца К.Ф. Юона, написанными в начале XX века.

Уже при первом взгляде на произведения обоих художников бросается в глаза нечто общее – декоративное звучание самой живописи притягивает внимание и формирует первоначальный, самый запоминающийся эстетический отклик у зрителя.

Действительно, анализ таких картин, как «Праздничный день» (1903), «Троицкая Лавра зимой», «Весенний солнечный день» (обе 1910), «Весна в Троицкой Лавре» (1911), «В провинции. Город Торжок», «Торжок» (обе 1914), «Вид Троицкой Лавры» (1916), «Купола и ласточки» (1921), принадлежащих кисти К.Ф. Юона и картин «Кострома. Апрель. К вечеру», «Село Андрейково. Покров» (обе 1957), «Приезд на слет колхозников-передовиков» (1959), «Исады. Переправа» (1961), «Каргополь. Склады селпо» (1964), «Церковь Покрова от пролома» (1967), «Весна. Большая Пысса. Коми АССР», «Церковь Успенья. Костромская область» (обе 1971-1972), созданных В.Ф. Стожаровым, показывает, что все произведения пропитаны желанием авторов эстетизировать увиденное в реальности, то есть формальными средствами самой живописи создать у зрителя ощущение красоты. Действительно, цветовой строй всех исследованных картин обоих живописцев в первую очередь привлекает внимание зрителя, и только после этого зритель начинает вникать в содержательные особенности изображенного. Иными словами, возникающее первоначальное эстетическое чувство от красоты художественной формы, отодвигает на второй план содержательную составляющую.

Для подтверждения сказанного можно вспомнить, что особый цветовой строй произведений К.Ф. Юона отмечал А.М. Эфрос, который выделял разные «варианты декоративизма» и отметил, что художник «соединял импрессионизм со стилизаторством в нарочито пестрых чуть лубочных пейзажах-жанрах» [4, с. 265].

Аналогичное мнение имел В.С. Манин, который назвал живопись К.Ф. Юона «декоративно звучной», отметил чуткость художника к декоративизму и написал об особенностях пейзажей художника следующее: «Оптимистической тональности юоновских пейзажей соответствует полнозвучный цветовой строй. Художник использовал открытый цвет, иногда форсированный» [1, с. 334].

Однако необходимо помнить, что обратной стороной повышенной декоративности является отход от объективного изображения окружающей действительности. Именно об этом предупреждал А.М. Эфрос при анализе картин К.Ф. Юона: «Мы видим, что это не настоящая действительность, но принимаем ее как действительность возможную. Искусство Юона – это "вариант действительности"» [3, с. 87].

Эстетизация природных видов в исполнении К.Ф. Юона по своей сути ближе к мирикусникам,

чем к союзникам. Действительно, В.С. Манин отмечал, что «в "Союзе русских художников" Юон менее других товарищей тяготел к традициям передвижнического пейзажа. Ему была чужда их грусть, эгегическое отношение к природе» [1, с. 337]. Первичное эстетическое чувство возникает у зрителя от эмоционального воздействия цветовой композиции картин как К.Ф. Юона, так и В.Ф. Стожарова, основанной на гармоничном распределении на картинной плоскости пятен насыщенного цветового тона, – художники отказываются от натуралистического изображения увиденного, и в этом случае, в терминологии Д.В. Сарабьянова, «цвет вырывается из плена пленэрзма» [2, с. 193].

Подобный подход к эстетизации обыденных и прозаичных видов российской действительности близок мастерам «Мира искусства» и в этом нет ничего удивительного – К.Ф. Юон был членом не только художественного объединения «Союз русских художников», что было логично для московского живописца, но и «Мир искусства». Более того, по мнению А.М. Эфроса, художник чувствовал себя более, чем естественно – «среди ретроспективистов "Мира искусства" и возле символических «Весов» его можно было встретить чаще, нежели среди единоверцев» [3, с. 85].

Необходимо обратить внимание на то, что между условными, не соответствующими действительности цветовыми тонами на картинах сравниваемых художников существует отличие – у К.Ф. Юона они открытые, без модуляций, а у В.Ф. Стожарова цветовые тона неестественно насыщенные, но такое различие не изменяет главного – первичное и самое основное эмоциональное воздействие на зрителя оказывает декоративизм цветового решения.

Завершая анализ, целесообразно подчеркнуть то, что использование условного цвета как К.Ф. Юоном, так и В.Ф. Стожаровым нельзя считать недостатком – скорее можно говорить о близости к стилистике модерна – соединение увиденного и выдуманного, по мнению Д.В. Сарабьянова, и есть признак метода модерна [2, с. 217].

Подводя итоги проведенного исследования, можно утверждать, что советский живописец В.Ф. Стожаров во второй половине XX века в пейзажной живописи использовал творческий метод, основанный на традиции цветового построения картин, заложенной К.Ф. Юоном. Оба художника видели цветовую завязку картин в декоративном звучании цветовой гаммы и ради этого заменяли существующую в реальности цветовую палитру на более эстетически привлекательную, основанную на использовании как открытых и насыщенных цветовых тонов не соответствующих действительности, так и декоративных цветосочетаний. Использование условного цвета, характерного для обоих мастеров, свойственно для стилистики модерна, адептами которого в России выступали мастера «Мира искусства».

Список литературы:

1. Манин В.С. Русский пейзаж. М.: Белый город, 2001. 631 с.
2. Сарабьянов Д.В. Русский вариант стиля модерн в живописи конца XIX – начала XX века // Сарабьянов Д.В. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М.: Советский художник, 1980. 261 с. С. 182–221.
3. Эфрос А.М. Профили. М.: Федерация, 1930. 311 с.
4. Эфрос А.М. Два века русского искусства. М.: Искусство, 1969. 302 с.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

DOI - 10.32743/UniPhil.2021.90.12.12767

ЖЕНЩИНА ГЛАЗАМИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ, ИЛИ ЧЕМ МЫ ОБЯЗАНЫ
ЯЗЫКОВОМУ ПАТРИАРХАТУ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Цапаева Сабина Юрьевна

д-р филос. наук,
 научный сотрудник института германистики университета г. Гамбург,
 Германия, г. Гамбург

E-mail: sabina.tsapaeva@uni-hamburg.deTHE CONCEPTION OF WOMAN IN THE MEDIEVAL CULTURE, OR WHAT DO WE OWE
TO THE LANGUAGE PATRIARCHY IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE

Sabina Tsapaeva

Doctor of Philosophy, Associate Researcher,
 Institute of German Studies, University of Hamburg,
 Germany, Hamburg

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается ряд немецких обозначений в лексико-семантическом поле «женщина» в их историческом развитии с позиции исторической семантики с целью продемонстрировать взаимосвязь языка, культуры, менталитета и социума в целом. Основное внимание акцентируется на обозначениях женщин, в той или иной степени прошедших процесс пейорации. Также в работе исследуются наиболее вероятные причины ухудшения значения обозначений лиц женского пола и проводится сопоставительный анализ основных современных теорий толкования лексико-семантических изменений.

ABSTRACT

This paper examines a number of German denominations in the lexical semantic field of woman in their historical development from the perspective of Historical Semantics in order to demonstrate the relationship between language, culture, cultural mentality and society as a whole. The main attention is hereby focused on the denominations of women who, to one extent or another, have gone through the process of pejoration. The paper also examines the most probable reasons for the downgrading or depreciation of the meaning of feminine denominations and provides a comparative analysis of the main modern theories of the interpretation of lexical semantic changes.

Ключевые слова: феминизм, критика языка, гендерная лингвистика, андроцентризм, гендерная асимметрия, языковая политика, историческая семантика, немецкая медиевистика, история немецкого языка, Средневековье.

Keywords: feminism, language criticism, gender linguistics, androcentrism, gender asymmetry, language policy, Historical Semantics, German Medieval Studies, history of the German language, Middle Ages.

Общественные усилия по социально-политической эмансипации и движения за социальное и экономическое равенство полов всё больше влияют на использование немецкого языка в образовательных и высших образовательных учреждениях, в правовой системе как таковой, а также в политике, средствах массовой информации и широкой общественности (ср. гендерно-нейтральные *Student:innen*, *StudentInnen*, *Student*innen* и *Studierende* versus общий мужской род, или *generisches Maskulinum*, *Studenten*). В таком развитии нет ничего удивительного, ведь современное общество всё сильнее

эволюционирует в сторону всеобщей толерантности и равноправия. История гендерной языковой политики, конечно, намного старше вышеупомянутых современных движений и явлений. Пожалуй, одной из первых мнениеформирующих публикаций в немецкоязычной среде можно считать рекомендации по недопущению сексистского использования языка Ингрид Гюнтеродт 1980-го года из области (феминистской) языковой критики, также известной как феминистская лингвистика [11, с. 15–21]. Влияние этой публикации на использование немецкого языка в различных сферах общественной жизни наглядно

демонстрирует Гизела Шёнталь [30, с. 225–242]. Основной целью её научной статьи является выявление положительного баланса результатов, достигнутых феминистской лингвистикой. По мнению автора статьи, её исследование также можно рассматривать как своего рода альтернативу публикации Марлис Хеллингер [12, с. 164–182], которая, в свою очередь, отражает скорее отрицательный баланс далеко идущей критики феминистской лингвистики [30, с. 226]. Эти, а также многие другие публикации [10, с. 517–562; 1, с. 66–72] являются отражением активной работы над спорной, если не сказать животрепещущей темой, связанной с гендерной асимметрией в языке, политкорректностью и, в целом, отношением между языком, мышлением, культурой и сферами общественной жизни [см. также 8, с. 2].

Данные исследования, несомненно, свидетельствуют о высокой значимости рассмотрения вопросов языковой чувствительности в гендерном плане. Также они ставят вопрос о том, в какой степени традиционные обозначения женщин и мужчин в немецком языке отражают определённый образ мышления и представления о полах и их ролях, которые, в свою очередь, согласно позиции феминистской лингвистики, должны претерпевать соответствующие изменения во времени и выражаться новыми, адекватными словообразовательными продуктами. В связи с вышеизложенным в настоящей статье акцент будет сделан на прагматической концепции языка, которая определяет язык преимущественно как социально детерминированный конструкт [2, с. 49–54]. Исходя из этого, любое языковое изменение, которое, в свою очередь, является конкретным проявлением социокультурного изменения, осуществляется исключительно посредством социально-интерактивного использования, выявляя те самые социокультурные причины и функции использования определённых языковых обозначений изменяющегося во времени культурного сообщества. Таким образом, современные языковые изменения специфических гендерных обозначений также являются выражением социальной системы, которая находится в состоянии постоянного изменения.

Далее будут рассмотрены отдельные средневековые обозначения в лексико-семантическом поле «женщина» в их историческом развитии с целью наглядно продемонстрировать социальное значение языка и его социокультурную «функцию зеркала». Для этого интересующие нас обозначения женщин, а также их ухудшение значения [3], т. е. пейорация (от лат. *pēiōrāre* ‘ухудшать, делать хуже’), констатируемая в ряде лингвистических исследований [19, с. 153–187; 20; 28, с. 147–148; 34], будут проанализированы с позиции исторической семантики. На втором этапе анализа будут рассмотрены возможные причины ухудшения значения обозначений женщин, а также будет проведён сопоставительный анализ позиций Дамарис Нюблинг [27] и Руди Келлера [17; 18], после чего последует дискуссия патриархальной модели толкования семантических изменений. В заключении статьи будут подведены итоги исследования, проанализированы выявленные автором сходства,

различия и противоречия в интерпретации интересующих нас феноменов, а также будут сформулированы выводы и очерчен круг перспективных направлений дальнейших исследований.

Двумя основными понятиями, которые будут рассмотрены и детально проанализированы в рамках этой работы, выбраны *Dame* и *Dirne*. Именно эти два понятия представляют наибольший интерес в плане пейорации. Первым понятием является понятие *Dame*, определяемое в новонаемецкой (н.-в.-нем.) период и на современном этапе развития немецкого языка как ‘женщина с изысканными манерами, с [хорошим] образованием и ухоженной внешностью’ [4; пер. с нем. С. Ц.] и используемое в современном обиходе фактически исключительно при обращении к персоне женского пола. Лексема *dame* была заимствована из французского языка ориентировочно в конце XVI – начале (?) XVII века и приняла семантику ‘любимая женщина, госпожа’ [4; пер. с нем. С. Ц.]. Само понятие существовало уже задолго до этого в старофранцузском языке и обозначало ‘госпожа, повелительница, хозяйка дома’ [4; пер. с нем. С. Ц.]. В свою очередь, старофранцузское *dame* произошло от латинского *domina* с той же семантикой [4]. Возникает закономерный вопрос, чем было мотивировано заимствование данной лексемы из французского языка в этот период? Наиболее вероятные причины этого заимствования будут подробнее представлены во второй части исследования. На данный момент ограничимся упоминанием утверждения Дамарис Нюблинг о том, что в парадигме обозначений персон женского пола в н.-в.-нем. языке понятие *Dame* использовалось для обозначения женщин более высокого социального положения, чего нельзя утверждать о средневерхнемецком (ср.-в.-нем.) языке [27, с. 347].

В ср.-в.-нем. период в данном значении ещё использовалось понятие *vrouwe*. На н.-в.-нем. этапе развития языка понятие *Frau* используется как социально нейтральное со значением ‘взрослый человек женского пола, жена или же в качестве обращения к замужней или незамужней персоне женского пола’ [7; пер. с нем. С. Ц.]. Ср.-в.-нем. форма *vrouwe*, однако, всё ещё имела значение, сравнимое с *Dame*, а именно ‘госпожа, повелительница, возлюбленная’ [33; пер. с нем. С. Ц.], и использовалась для обозначения персон женского пола более высокого социального положения. Первоначальная древневерхнемецкая (др.-в.-нем.) форма *frouuwa* (*frouwa*) имела ещё более положительную семантику и обозначала ‘женщину, чьё достоинство и уважение к которой подчёркиваются, которая также отличается прекрасными манерами и имеет высокий статус в светском обществе’ [9; пер. с нем. С. Ц.]. В случае изменения семантики др.-в.-нем. *frouuwa* (*frouwa*) > ср.-в.-нем. *vrouwe* > н.-в.-нем. *Frau* мы имеем дело с характерным примером пейорации обозначения персоны женского пола, на что указывает и Д. Нюблинг [27, с. 346]. Тем самым мы видим, что семантика выбранного обозначения женщины претерпела значительное понижение статуса и ухудшение значения от изначального

обозначения благородной во всех отношениях персоны женского пола (*frouwa*) до социально нейтрального выражения для обозначения взрослого человека женского пола (*Frau*).

Параллельно рассмотрению развития значения ср.-в.-нем. *vrouwe* следует также обратить внимание на изменения семантики и особенностей употребления ср.-в.-нем. *wîp* (*wîb*). Одной из первых на особенности последних обратила внимание Д. Нюблинг [27]. Её тезис состоит в том, что существительное *wîp* (*wîb*) в ср.-в.-нем. языке использовалось с социальной точки зрения как нейтральное выражение для обозначения персоны женского пола, в то время как *vrouwe* было применимо исключительно для особ женского пола высших слоёв общества. И если ср.-в.-нем. лексема *vrouwe* претерпела ухудшение значения от обозначения социально вышестоящего лица женского пола к социально нейтральной форме *Frau*, то в случае со ср.-в.-нем. *wîp* (*wîb*) с прототипным значением 'женщина' мы имеем дело с ещё более заметной пейорацией значения от социально нейтрального 'женщина' до социально значительно более низкого 'баба' в современном немецком языке, другими словами, обозначение *vrouwe* > *Frau* заняло социально нейтральную позицию лексемы *wîp* (*wîb*) в парадигме обозначений лиц женского пола.

Для наглядной иллюстрации интересующего нас процесса развития значения более детально рассмотрим изменения, затронувшие лексему *wîp* (*wîb*) на разных этапах развития немецкого языка. Уже в др.-в.-нем. период лексема *wîb* (*wîp*) использовалась в качестве социально нейтральной и применялась в значении 'взрослое лицо женского пола, жена' [36; пер. с нем. С. Ц.]. В ср.-в.-нем. период обозначение *wîp* (*wîb*) использовалось как социально нейтральное преимущественно в качестве противопоставления лексеме *man*, т. е. 'взрослому человеку мужского пола' [37; пер. с нем. С. Ц.], причём литературные примеры [см. 37] из поэзии миннезингеров, приведённые в карманном словаре ср.-в.-нем. языка, составленного профессором немецкой словесности Маттиасом Лексером, позволяют угадать намечающийся путь пейорации значения через его сексуализацию, о которой, в свою очередь, также пишет Дамарис Нюблинг [27, с. 348–349]. В частности, имеет место противопоставление ср.-в.-нем. *wîp* (*wîb*) и *vrouwe*, причём первая подчиняется последней. В настоящий момент в современном немецком языке существительное *Weib* имеет вполне ощутимое уничижительное и пренебрежительное значение и даже считается ругательством, обозначающим 'истеричную, сплетничающую и неряшливую женщину' [35; пер. с нем. С. Ц.]. Таким образом, налицо подтверждение исторической пейорации как лексемы *frouwa* (*frouwa*) > *vrouwe* > *Frau*, так и *wîb* (*wîp*) > *wîp* (*wîb*) > *Weib*, а также тезиса Дамарис Нюблинг о том, что оба выражения в парадигме обозначений женщин испытали коррелирующее социальное ухудшение значения, которое Нюблинг метко определяет как путь пейорации социальной деградации, т. е. понижения статуса [27, с. 346]. Такое смещение семантики в парадигме приводит к образованию семантической лакуны для

обозначения лица женского пола более высокого социального статуса, в связи с чем, собственно, и возникает острая потребность заимствования, которая удовлетворяется заимствованием французского *dame* в н.-в.-нем. период.

Помимо общих лексем, обозначающих лица женского пола в зависимости от их социального статуса, процесс пейорации затронул ряд других обозначений персон женского пола, в частности, определённых профессий, одно из которых будет далее проанализировано на предмет его пейорации путём биологизации и/или сексуализации.

Н.-в.-нем. выражение *Dirne* имеет уничижительное значение и используется для обозначения 'продажной девушки или проститутки' [5; пер. с нем. С. Ц.]. Однако, исторический анализ семантики показывает, что на более ранних ступенях развития немецкого языка ситуация выглядела иначе. Ср.-в.-нем. лексема *diene*, в частности, ещё не несла сексуализированного значения, присущего более поздней форме, т. е. она использовалась исключительно на т. н. функциональном уровне для обозначения 'прислуги [женского пола], служанки и девушки в целом' [6; пер. с нем. С. Ц.]. Кроме того, мы имеем подтверждение указанной выше семантики на фонетико-морфологическом уровне за счёт очевидного сходства с глаголом *dienen* 'служить, прислуживать'. Рассматривая исторические трансформации лексической семантики слова *Dirne*, следует также обратить внимание на тот факт, что в др.-в.-нем. языке *thiorna* (*diorna*) в мирской сфере имело значение 'молодая девушка с [особым] акцентом на молодость', а в религиозном контексте '[молодая] девушка с [особым] акцентом на нетронутости [т. е. девственности]', другими словами, *thiorna* (*diorna*) обозначало девушку, пригодную для замужества (именно потому что она девственна), что характерно, *thiorna* также использовалось для обозначения Девы Марии [31; пер. с нем. С. Ц.]. Соответствующий абстрактный дериват *thiornatium* при этом имел значение 'девственность и целомудрие' [32; пер. с нем. С. Ц.]. Значение 'прислуга [женского пола], служанка, рабыня' впервые зафиксировано в литературных источниках XII века. При анализе произошедших за несколько столетий радикальных семантических изменений от др.-в.-нем. *thiorna* (*diorna*) до н.-в.-нем. *Dirne* бросается в глаза более чем очевидная пейорация, первым этапом которой, если следовать наблюдениям Нюблинг [27, с. 348–349] была функционализация, а вторым – сексуализация, т. е. придание дополнительного сексуального характера. Другими словами, первоначальное положительное обозначение для молодой девушки (в др.-в.-нем. период) к ср.-в.-нем. периоду сводится до функции домашней прислуги, после чего происходит дальнейшая специализация (прирост семы), после которой функции *Dirne* сводятся исключительно к сексуальным, т. е. функциям «обслуживания» мужчин, в связи с чем лексема вполне закономерно подвергается дальнейшей деградации и обесцениванию с социальной точки зрения.

Наиболее неожиданный и даже в какой-то степени абсурдный поворот принимают исторические трансформации лексической семантики лексемы *Luder*, используемой в современном немецком языке для уничижающего обозначения 'хитрого, глупого и распутного человека женского пола' [21; пер. с нем. С. Ц.] и имеющей мало общего с изначальной семантикой ср.-в.-нем. *luoder* 'приманка для ястреба' [23; пер. с нем. С. Ц.]. В данном случае пользователи языка в процессе перенесли термин из социолекта (т. е. профессионального языка) охотников в (относительно нейтральное) лексико-семантическое поле «женщина» с целью выразить оскорбление по отношению к лицам женского пола, добавив сексуальную семантическую составляющую. Что примечательно, подобной или хотя бы в некотором роде сопоставимой лексемы по отношению к лицам мужского пола в немецком языке не существует. Именно такие асимметрии будут более подробно рассмотрены во второй части статьи, где будет проведён сопоставительный анализ и интерпретация теоретических положений Дамарис Нюблинг [27] и Руди Келлера [17; 18], а также будут сделаны собственные выводы относительно распределения значений в лексико-семантическом поле «женщина».

В свете рассмотрения семантических изменений в лексико-семантическом поле «женщина» и интерпретации роли культурно-исторической составляющей средневековых трансформаций лексической семантики обозначений лиц женского пола Руди Келлер приходит к выводу, что в обществе, которое, как и, собственно, немецкое, построено (и стоит) на придворных традициях, имеет место так называемый «императив галантности» по отношению к женщинам [18, с. 108]. Именно в связи с этим «императивом» предупредительные мужчины помогают женщинам надеть пальто, предлагают им стул, чтобы присесть, или же помогают прикурить. Неотъемлемой частью такого поведения является вполне ожидаемая тенденция к использованию обозначений, принадлежащих скорее к более высокому, чем к более низкому стилевому и социальному регистру, это касается как обращений к дамам, так и упоминаний о них в разговоре [см. там же]. Такая особенность коммуникации с течением времени приводит к тому – и в этом заключается так называемый парадокс Мандевиля –, что лексема, изначально принадлежавшая более высокому регистру, впоследствии обнаруживает тенденцию к потере своей стилистической маркированности, т. е. становится нейтральным немаркированным выражением, в то время как первоначально нейтральная лексема общего регистра опускается на ступень ниже и используется в качестве уничижительной и оскорбительной [см. там же]. Таким образом, на уровне культуры и общества мы имеем дело с принципиально положительно коннотированной мотивацией (стремлением к вежливости, или «императивом галантности»), которая в долгосрочной перспективе ведёт к пейорации на уровне языка, как будто направляемой «невидимой рукой», в связи с чем выражения, служащие для обозначения женщин, приобретают отрицательно-оценочный смысл. Руди Келлер описывает этот

процесс как одну из форм обесценивания значения, или инфляцию [18, с. 108–109]. Следуя концепции «невидимой руки» Келлера, языковые изменения рассматриваются как немотивированные и бессознательные по отношению к пользователям интересующего языка. Стремление хвалить и, в определённой степени, угождать (присутствующим) дамам, стремление к предупредительности и вежливости со стороны мужчин в конечном итоге приводят к пейорации выражений, обозначающих женщин. Другими словами, такие выражения как ср.-в.-нем. *vrouwe* использовались фактически в качестве эвфемизмов, т. е. слов-заменителей или выражений-заменителей, с целью социальной переоценки, изменяя тем самым культурно-речевые нормы и язык в целом. Известно, что главной мотивацией использования эвфемизмов является стремление к благоречию, а также к смягчённому выражению нежелательных слов или неуместных фраз в лингвокультурном или социальном отношении, причём такого рода замена, точнее, переименование, в галантном языке является одним из весьма продуктивных механизмов семантических изменений, впоследствии переходящих и на общий регистр. В данном же случае эвфемизм *vrouwe* представляет собой выражение, функцией которого является определённое замалчивание и одновременное улучшение социального статуса с целью привлечения внимания, что является частью характерного вежливого и предупредительного поведения, в то время как «классические» вуалирующие эвфемизмы используются в качестве своего рода манипуляторов, потому что их скрытый смысл зачастую легко угадывается [см. 2, с. 224–227]. В частности, н.-в.-нем. *Dime* 'девка' представляет собой именно такой вуалирующий эвфемизм, сопровождающийся эффектом пейорации изначательного значения [см. там же].

Так *Dirne* '(молодая) служанка, девушка' было использовано в качестве эвфемизма для более мягкого, непрямого, прикрытого обозначения женщины, занимающейся проституцией, вместо грубого, открытого и неприличного *Hure*. В данном случае эвфемизм выполняет и смягчающую функцию, и функцию избегания щепетильных тем, в какой-то мере здесь также реализуется функция маскировки. В результате такой лексико-семантической трансформации слово *Dime* незаметно приобрело отрицательно-оценочный смысл и испытало радикальную пейорацию, что первоначально, вне всяких сомнений, не планировалось пользователями языка. Смеем заметить, что такой путь характерен для многих эвфемизмов: процесс конвенционализации значения, как правило, приводит к пейорации, ибо новые обозначения, изначально имеющие эвфемистические свойства, быстро обретают старое значение, которое пользователи языка хотели скрыть [2, с. 224].

В своё время канадско-американский психолог, психолингвист и когнитивист Стивен Пинкер назвал это явление *euphemism treadmill* (нем. *Euphemismus-Tretmühle*) [29, с. 298–300]. По мнению Пинкера, «круговорот эвфемизмов» возникает в языке в том случае, когда слово или выражение, связанное с неприличным понятием или социально неприемлемым явлением, заменяется более приличным,

собственно, эвфемизмом. При этом новое слово – эвфемистическое обозначение – изначально лишь указывает на старое понятие, но может его постепенно вытеснить. Поскольку в сознании пользователей языка первичным является само табуированное понятие, то любой эвфемизм с течением времени принимает все негативные коннотации того понятия, которое им было заменено, так как вариативные эвфемистические обозначения для нашего сознания вторичны по отношению к референту (первичному понятию). Пока не изменится фактическое положение дел, т. е. пока само понятие не перестанет быть общественно неприемлемым и табуированным, выбранные эвфемизмы будут в конечном счёте терять свою маскирующую функцию и становиться эмоционально окрашенными, нетактичными и неприличными и, как следствие, вытесняться [ср. там же].

Возвращаясь к рассмотренным ранее заменам в лексико-семантическом поле «женщина» хочется отметить, что в том случае, если мы признаем феномен «императива галантности» и использование вуалирующих эвфемизмов основными причинами пейорации немецкоязычных обозначений женщин в Средние века, то полученная картина семантических изменений, по мнению Келлера, никоим образом не будет являться репрезентативной для социокультурной практики сообщества, основанного исключительно на мужском доминировании или на женоненавистничестве, наоборот, она будет выступать в качестве «кривого, искажённого зеркала» культурных изменений [см. 17, с. 207–218]. Такая интерпретация на первый взгляд кажется весьма убедительной, в особенности, учитывая тот факт, что теория «невидимой руки» в языке Келлера является прошедшей проверку временем моделью описания языковых изменений в лингвистике и успешно используется для объяснения многочисленных явлений языковых изменений. Суть теории Келлера можно вкратце описать следующим образом: Пользователи языка самостоятельно и на постоянной основе генерируют изменения в языке, используя его множество раз ежедневно в целях коммуникации, т. е. языковые изменения являются непреднамеренным результатом и, можно даже сказать, «побочным эффектом» последовательности (индивидуальных) коммуникативных действий. Такое трактование языковых изменений и, в частности, рассмотренных выше семантических изменений обозначений лиц женского пола также соответствует идее о том, что вместе с общим развитием и либерализацией немецкоязычного культурного сообщества и, прежде всего, с переходом от Средневековья к Новому времени, патриархальные структуры, на которых было основано общество, начинают меняться и истощаться.

В своей статье [27] Нюблинг справедливо выражает серьёзные сомнения относительно такой интерпретации семантических изменений. При этом она следует прагматическому подходу, который предполагает патриархальный принцип действия (нем. *patriarchale Handlungsmaxime*) у пользователей языка, и тем самым решительно опровергает тезис Келлера о «кривом, искажённом зеркале», в свою очередь,

выдвигая антитезис о том, что пейорация напрямую отражает исторически низкий статус женщин и их изначально более низкое социальное положение по отношению к представителям мужского пола [27, с. 349]. Другими словами, по мнению Нюблинг, пейорация есть ни что иное как пример прямого отражения особенностей культуры на языковом уровне, т. е. «функции зеркала». Свои сомнения относительно тезиса о «кривом, искажённом зеркале» Нюблинг обосновывает тем, что Келлер огульно придерживается асимметричной концепции вежливости (т. н. «императив галантности») в её исторической перспективе. Нюблинг, однако, весьма справедливо обращает внимание на тот факт, что исторически сложилось так, что правил вежливости в обращениях как по отношению к женщинам, так и по отношению к мужчинам придерживались все носители языка вне зависимости от своей половой принадлежности. Исходя из концепции вежливости Келлера, обозначения лиц мужского пола также должны были претерпеть изменения и пройти процесс пейорации, чего, однако, не произошло. В целях подтверждения тезиса Дамарис Нюблинг далее будут рассмотрены некоторые релевантные наименования лиц мужского пола и их трансформации с позиции исторической семантики.

Современный мужской пандан заимствования *Dame* существовал уже на более ранних уровнях немецкого языка и имел соответствующее значение, которое со временем не подверглось пейорации. Н.-в.-нем. *Herr*, обозначающее ‘лицо мужского пола с ухоженной внешностью, изысканными манерами и [хорошим] образованием’ [13; пер. с нем. С. Ц.], заимствованием не является, а происходит непосредственно от ср.-в.-нем. *hêrre*, которое, в свою очередь, означает ‘господин, супруг, знатный вассал, вассал [или ленник] или мужчина благородного происхождения’ [14; пер. с нем. С. Ц.]. Безусловно, *potin* *sacrum hêrre-got* [15] в данном контексте также является мужским [обозначением] и выражает высшую степень святости. Др.-в.-нем. форма *hêrro* вне религиозного контекста также служила для обозначения ‘важного человека, великого человека, который возвышается над массами, который выделяется из толпы, хозяина дома, помещика, хозяина’ [16; пер. с нем. С. Ц.].

Аналогичная ситуация складывается с мужским панданом лексемы *Frau*. Н.-в.-нем. форма *Mann* для обозначения ‘взрослого человека мужского пола, мужа’ [26; пер. с нем. С. Ц.] происходит от ср.-в.-нем. *man* со значением ‘человек мужского пола, достигший зрелого возраста, муж, феодал [или ленник], вассал’ [25; пер. с нем. С. Ц.]. В средневековых литературных источниках данное обозначение лица мужского пола обычно сопровождалось такими положительными атрибутами как ‘сильный, порядочный, храбрый’ [25; пер. с нем. С. Ц.]. Первоначальная др.-в.-нем. форма *man* (*mann*) обычно использовалась как синоним к *men(n)isco* (*mēnnisco*) ‘человек’ [24].

Настоящее сравнение, с одной стороны, наглядно показывает, что, несмотря на принятую в обществе обоюдную вежливость, обозначения лиц мужского

пола остались нетронутыми пейорацией, а с другой стороны, в отличие от *Frau*, которая «опустилась» на одну социальную ступень с *Mann* и стала нейтральным, т. е. неокрашенным выражением, лексема *Herr* не претерпела подобного рода нисходящих трансформаций лексической семантики.

Даже если придерживаться позиции об «императиве галантности», то с его помощью можно (частично) объяснить, откуда взялась социальная деградация лексемы *Frau* – а именно из-за инфляционного использования её в обращениях к женщинам –, но никак не пейорацию обозначений женщин, прошедших путь функционализации, биологизации или сексуализации [27, с. 351]. К последним относятся такие рассмотренные выше выражения как *Weib*, *Dirne*, *Luder*, а также *Frauenzimmer*, *Magd* и *Mamsell*. Достойным интереса при этом является не только тот факт, что для всех выше упомянутых лексем не существует аналогов с мужской стороны, но также и меткое заявление Дамарис Нюблинг о том, что в итоге процесса изменения значения – и пейорации в частности – выражения, обозначающие женщин, в том числе предоставляют информацию о сексуальной доступности и возрасте лиц женского пола, т. е. кроме прочего об их физической/биологической зрелости [ср. 27, с. 352]. Логично предположить, что такого рода информация имела (и имеет) вес исключительно для представителей мужского пола, в связи с чем все результаты сравнительного семантического анализа только подтверждают тезис о патриархальной модели толкования обозначений женщин.

В своем исследовании [22] пересечений лексико-семантических полей и сдвигов в лексико-семантических полях на примере лексико-семантических полей «женщина» и «мужчина», а конкретно «*iuventus*»/«*senectus*», «*familia*», «*matrimonium*», «*honestas*», «*fornicatio*», «*Frau*», «*Mann*» и «*Mensch*», в индогерманских языках Роземари Люр приходит к выводу о том, что общего обесценивания или «коллективной» пейорации обозначений женщин в древнегерманских языках не наблюдается. Тем не менее, она резюмирует, что в качестве преобладающей стратегии в обозначении лиц женского пола выделяется определение женщины через её внешний вид и социальные функции, а также её положение по отношению к мужчине, причём в обратную сторону эта стратегия не работает [22, с. 181–182]. Даже исходя из того факта, что обозначение *Dirne* использовалось в качестве маскирующего эвфемизма, т. е. эвфемизма, целью которого является вуалирование подлинной сущности обозначаемого явления или понятия [2, с. 224], это не меняет того обстоятельства, что мужчина – здесь в качестве синекдохи – так долго использовал это с социальной точки зрения более высокое выражение, пока к нему не «прилипла» сексуальная семантическая составляющая, которая впоследствии de facto вытеснила остальные значения. Основным движущим началом этой пейорации, заключающейся в (далеко не взаимном) согласовании социальных ролей, выкристаллизовывается именно влияние патриархальных структур на процесс изменения языка.

Идея языкового патриархата при этом представляется следующим образом: как языком, так и культурой создаётся картина мира, но при этом и сам язык является структурой, закреплённой в жизненном мире. Поэтому мы пользуемся языком как чем-то, что уже предопределено историей, культурой, менталитетом и общим контекстом ситуации. Мы используем язык, ибо обмен информацией возможен исключительно посредством языка, тем самым каждый раз «воссоздавая» и подтверждая его функцию заново. Так как в обществе – в первую очередь в Средневековье, хотя соответствующие отголоски, и это очевидно, до сих пор сказываются на культурных традициях, особенностях менталитета и культурных концептах языка – превалирует патриархальное мышление, то оно также отражается и в языковой сфере, причём тем самым и язык приобретает ряд патриархальных элементов [27, с. 352]. В этом плане язык есть ни что иное как патриархальный образец интерпретации предложенной ситуации. Как на уровне структуры языка, так и в особенностях его использования в коммуникативных целях язык отражает «соотношение сил», т. е. общественно-правовые властные отношения и стереотипные половые и гендерные роли. Поэтому язык ни в коем случае не является некой нейтральной отправной точкой, с позиции которой мы могли бы рассматривать изменения в интересующем нас дискурсе.

Основываясь в значительной мере на антитезисе Дамарис Нюблинг к тезису «кривого, искажающего зеркала» Руди Келлера, а также на обоснованной критике его теории «невидимой руки» для объяснения различных языковых явлений, и, в частности, семантического развития слов, изменения в значениях лексических единиц, представленная в данной статье интерпретация пейорации немецкоязычных обозначений в лексико-семантическом поле «женщина» находит своё прямое подтверждение в патриархальной модели толкования лексико-семантических трансформаций.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что язык, особенности культуры и мышления не только связаны друг с другом, но и испытывают взаимное влияние, причём не только в настоящий момент, но и на разных этапах развития языка, что мы могли увидеть на примере трансформаций лексической семантики в лексико-семантическом поле «женщина». Так, при рассмотрении исторического развития семантики н.-в.-нем. понятия *Dame* также было установлено постепенное социальное обесценивание обозначений *Frau* и *Weib*, которое протекало асимметрично с лексико-семантическими трансформациями таких обозначений лиц мужского пола как *Herr* и *Mann*. Последующий анализ семантических изменений н.-в.-нем. *Dirne* аналогично выявил радикальную пейорацию значения, которая параллельно с социальным обесцениванием и функционализацией сопровождалась приростом семы, а именно сексуализацией. В ходе интерпретации полученных результатов наиболее убедительной предстала патриархальная модель толкования лексико-семантических трансформаций, в то время как другие модели для описания

и трактования семантических изменений значения, как то: «императив галантности», «теория невидимой руки», тезис о «кривом, искажённом зеркале» Келлера и позиция Бехманна об обесценивании значения посредством эфемистической переоценки, были подвергнуты критике. Лексико-семантические изменения вышеуказанных обозначений лиц женского пола на уровне языка, и прежде всего радикальные трансформации лексемы *Dirne*, указывают на приписывание определённых гендерных качеств с исключительно мужской позиции на уровне мышления и тем самым являются репрезентативными для патриархальных социальных структур, которые (с)формировались как в эпоху Средневековья, так и за её пределами, и которые продолжают формироваться в определённой мере в настоящий момент,

несмотря на все попытки достижения гендерного равенства и расширения прав и возможностей женщин.

Исходя из научного подхода, изложенного в данной статье, основным научным дезидератом, прежде всего, представляется сравнительный анализ и детальное исследование других обозначений лиц мужского пола в немецком языке в свете их исторических трансформаций. Кроме того, целесообразным является более подробное эмпирическое исследование обозначений лиц как мужского, так и женского пола, основанное на релевантном лингвистическом корпусе. Не менее интересными представляются также семное описание и контрастивный анализ обозначений из лексико-семантического поля «женщина» и их потенциальной пейорации в различных, но особенно в родственных и близкородственных языках.

Список литературы:

1. Ängsäl M.P. Wortkritik in der feministischen Sprachkritik / Th. Niehr // Handbuch Sprachkritik. Stuttgart: J.B. Metzler, 2020. – S. 66–72.
2. Bechmann S. Sprachwandel – Bedeutungswandel. Eine Einführung. – Tübingen: UTB, 2016. – 324 S.
3. Blank A. Zwei Phantome der Historischen Semantik: Bedeutungsverbesserung und Bedeutungsverschlechterung // Romanistisches Jahrbuch. – 1993. H. 44. – S. 57–85.
4. Dame. Словарная статья // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Dame#1> (дата обращения: 07.12.2021).
5. Dirne. Словарная статья // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Dirne> (дата обращения: 07.12.2021).
6. [D]ierne. Словарная статья // Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von M. Lexer. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 1/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.woerterbuchnetz.de/Lexer/dierne (дата обращения: 07.12.2021).
7. Frau. Словарная статья // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Frau> (дата обращения: 07.12.2021).
8. Fritz G. Einführung in die historische Semantik. – Berlin: De Gruyter, 2011. – 260 S.
9. [F]rouuuu. Словарная статья // Althochdeutsches Wörterbuch von E. Karg-Gasterstädt und Th. Frings. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://awb.saw-leipzig.de/cgi/WBNetz/wbgui_py?sigle=AWB&lemma=frouuuu (дата обращения: 07.12.2021).
10. Gorny H. Feministische Sprachkritik / G. Stötzl, M. Wengeler // Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. Sprache, Politik und Öffentlichkeit. Berlin, Boston: De Gruyter, 1995. Bd. 4. – S. 517–562.
11. Guentherodt I. Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs // Linguistische Berichte. – 1980. H. 69. – S. 15–21.
12. Hellinger M. The discourse of distortion. Political correctness and feminist language reform / F. Braun, U. Pasero // Kommunikation von Geschlecht – Communication of gender. Pfaffenweiler: Centaurus-Verlagsges., 1997. – S. 164–182.
13. Herr. Словарная статья // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Herr> (дата обращения: 07.12.2021).
14. [H]êrre. Словарная статья // Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von M. Lexer. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 1/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.woerterbuchnetz.de/Lexer/hêrre (дата обращения: 07.12.2021).
15. [H]êrre-got. Словарная статья // Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von M. Lexer. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 1/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.woerterbuchnetz.de/Lexer/hêrre-got (дата обращения: 07.12.2021).
16. [H]êrro. Словарная статья // Althochdeutsches Wörterbuch von E. Karg-Gasterstädt und Th. Frings. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://awb.saw-leipzig.de/cgi/WBNetz/wbgui_py?sigle=AWB&lemma=herro (дата обращения: 07.12.2021).
17. Keller R. Sprachwandel, ein Zerrspiegel des Kulturwandels? / K.-E. Lönne // Kulturwandel im Spiegel des Sprachwandels. Tübingen, Basel: Francke, 1995. – S. 207–218.

18. Keller R. Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. 4. unveränderte Aufl. – Stuttgart: UTB, 2014. – 238 S.
19. Kochskämper B. Von Damen und Herren, von Männern und Frauen: Mensch und Geschlecht in der Geschichte des Deutschen / U. Pasero, F. Braun // „Man räume ihnen Kanzeln und Lehrstühle ein...“ Frauenforschung in universitären Disziplinen. Opladen: Leske + Budrich, 1993. – S. 153–188.
20. Kochskämper B. ‚Frau‘ und ‚Mann‘ im Althochdeutschen. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 1999. – 507 S.
21. Luder. Словарная статья // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Luder> (дата обращения: 07.12.2021).
22. Lühr R. Wortfeldüberschneidungen und Wortfeldverschiebungen im Wortfeld „Frau“ und „Mann“ / A. Lobenstein-Reichmann, P.O. Müller // Historische Lexikographie zwischen Tradition und Innovation. Berlin, Boston: De Gruyter. – 2016. Vol. 129. – S. 157–186.
23. [L]uoder. Словарная статья // Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von M. Lexer. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 1/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.woerterbuchnetz.de/Lexer/luoder (дата обращения: 07.12.2021).
24. [M]an. Словарная статья // Althochdeutsches Wörterbuch von E. Karg-Gasterstädt und Th. Frings. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://awb.saw-leipzig.de/cgi/WBNetz/wbgui_py?sigle=AWB&lemma=man (дата обращения: 07.12.2021).
25. [M]an. Словарная статья // Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von M. Lexer. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 1/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.woerterbuchnetz.de/Lexer/man (дата обращения: 07.12.2021).
26. Mann. Словарная статья // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Mann> (дата обращения: 07.12.2021).
27. Nübling D. Von der ‚Jungfrau‘ zur ‚Magd‘, vom ‚Mädchen‘ zur ‚Prostituierten‘. Die Pejorisierung von Frauenbezeichnungen als Zerrspiegel der Kultur und als Effekt männlicher Galanterie? / H.U. Schmid, A. Ziegler // Jahrbuch für germanistische Sprachgeschichte. Berlin: De Gruyter. – 2011. Bd. 2. – S. 344–359.
28. Nübling D. Historische Sprachwissenschaft des Deutschen. Eine Einführung in die Prinzipien des Sprachwandels. Narr Studienbücher. 5. aktualisierte Aufl. – Tübingen: Narr Francke Attempto, 2017. – 401 S.
29. Pinker St. Das unbeschriebene Blatt. Die moderne Leugnung der menschlichen Natur. – Berlin: Berlin/Verlag, 2003. – 713 S.
30. Schoenthal G. Wirkungen der feministischen Sprachkritik in der Öffentlichkeit / G. Stickel // Sprache – Sprachwissenschaft – Öffentlichkeit. Jahrbuch des Instituts für deutsche Sprache. Jg. 1998. Berlin: De Gruyter, 1999. – S. 225–242.
31. [T]hiorna. Словарная статья // Althochdeutsches Wörterbuch von E. Karg-Gasterstädt und Th. Frings. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://awb.saw-leipzig.de/cgi/WBNetz/wbgui_py?sigle=AWB&lemma=thiorna (дата обращения: 07.12.2021).
32. [T]hiornatuom. Словарная статья // Althochdeutsches Wörterbuch von E. Karg-Gasterstädt und Th. Frings. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://awb.saw-leipzig.de/cgi/WBNetz/wbgui_py?sigle=AWB&lemma=thiornatuom (дата обращения: 07.12.2021).
33. [V]rouwe. Словарная статья // Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von M. Lexer. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 1/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.woerterbuchnetz.de/Lexer/vrouwe (дата обращения: 07.12.2021).
34. Warnke I. Zur Belegung von ‚Frau‘ und ‚Weib‘ in historischen deutschen Wörterbüchern des 16. und 17. Jahrhunderts / B. Hufeisen // „Das Weib soll schweigen...“ Beiträge zur linguistischen Frauenforschung. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1993. – S. 127–152.
35. Weib. Словарная статья // Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dwds.de/wb/Weib> (дата обращения: 07.12.2021).
36. [W]ib. Словарная статья // Althochdeutsches Wörterbuch von R. Schützeichel. 7., durchgesehene und verbesserte Aufl. – Berlin, Boston: De Gruyter, 2012. – S. 386.
37. [W]ip. Словарная статья // Mittelhochdeutsches Handwörterbuch von M. Lexer. Digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 1/21 / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.woerterbuchnetz.de/Lexer/wip-bes (дата обращения: 07.12.2021).

РУССКИЙ ЯЗЫК

ИНТЕРЪЕКТИВАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ ТИПОВ ТРАНСПОЗИЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Жумаева Феруза Рузиковна

доц. кафедры русского языка и литературы,
 Навоийский государственный педагогический институт,
 Республика Узбекистан, г. Навои
 E-mail: feruzaruziyevna68@mail.ru

INTERJECTION AS ONE OF THE TYPES OF TRANSPOSITION OF PARTS OF SPEECH

Feruza Jumaeva

Associate Professor
 of the Department of Russian language and literature,
 Navoi State Pedagogical Institute,
 Republic of Uzbekistan, Navoi

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается интеръективация как один из типов транспозиции частей речи в современном русском языке, теоретические сведения подтверждаются примерами.

ABSTRACT

This article examines interjection as one of the types of transposition of parts of speech in modern Russian, theoretical information is confirmed by examples.

Ключевые слова: интеръективация, междометие, существительное, транспозиция, переход, часть речи, лингвистика, неморфологический способ, словообразование, отсубстантивация.

Keywords: interjection, interjection, noun, transposition, transition, part of speech, linguistics, non-morphological method, word formation, non-substantiation.

Транспозиция (от позднелат. *transpositio* – перестановка) – использование одной языковой единицы (слова, формы, конструкции) в функции другой языковой единицы.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дано следующее определение:

Транспозиция – переход слова из одной части речи в другую или использование одной языковой формы в функции другой [4, 15].

Термин «транспозиция», в особенности на протяжении последних десятилетий, неуклонно движется по пути расширения своего пространства. Несмотря на дискуссии о ее границах, актуальным становится изучение взаимодействия грамматической единицы со средой, проблема языковой памяти и языковой интуиции, сопоставление языковой игры и языкового эксперимента, сознательного и бессознательного в употреблении [4, 15].

В современном русском языке существует 14 видов транспозиции:

- 1) Субстантивация – переход в имена существительные,
- 2) Адъективация – переход в имена прилагательные,
- 3) нумерализация – переход в имена числительные,

- 4) прономинализация – переход в местоимения,
- 5) адвербиализация – переход в наречия,
- 6) вербализация – переход в глаголы,
- 7) предикативация – переход в безлично-предикативные слова,
- 8) модалация – переход в модальные слова,
- 9) препозиционализация – переход в предлоги,
- 10) конъюнкционализация – переход в союзы,
- 11) партикуляция – переход в частицы,
- 12) интеръективация – переход в междометия,
- 13) ономотоляция – переход в звукоподражательные слова,
- 14) копуляция – переход в связки.

Транспозиция является одним из средств пополнения словарного запаса русского языка, но по сравнению со словообразованием и заимствованием учение о трансформации в области частей речи разработано значительно слабее.

Трансформация – это (лат. *transformatio* – преобразование, превращение) закономерное изменение основной языковой модели (ядерной структуры), приводящее к созданию вторичной языковой структуры [3, 468-472].

В предыдущих статьях нами рассмотрены различные модели транспозиции частей речи [2, 15-20;

3, 468-472] В данной статье мы рассмотрим один из типов транспозиции – интеръективацию.

Актуальность проблемы интеръективации определяется рядом причин. Среди них следует назвать факт, что в лингвистической литературе нет одинаковых точек зрения на трансформацию в области частей речи. Вопрос о переходе в междометия недостаточно разработан. На современном этапе развития лингвистики малую изученность получил и вопрос о месте междометий среди других частей речи.

Переход в класс междометий (интеръективация) наблюдается, как правило, на основе тех слов, в семантической структуре которых содержится оценочно-характеризующий компонент, стимулирующий эмоционально-волевою реакцию носителя языка.

Интеръективация (от лат. Interjectio – междометие) – переход полнозначных слов в разряд междометий. При таком переходе слова знаменательных частей речи теряют свое лексическое значение и превращаются в слова-сигналы, выражающие эмоции и волеизъявления [5].

Междометие – это класс грамматически неизменяемых слов и словосочетаний, служащих для выражения различных чувств и волевых побуждений: ай!, ах!, батюшки!. [6] Различают такие виды образования междометий:

1) аффиксный: шутл. аиньки? ← а?; ох-о-ноушки ← о-хо-хо; на-ка ← на;

2) безаффиксные:

а) сращение: скажите на милость!; вот тебе на!

б) сложение: кис-кис-кис; цып-цып-цып;

в) конверсия (переход): Скажите! Брось!

В междометия могут переходить:

1) имена существительные (Батюшки! Беда! Глупости! Караул! Право!);

2) глаголы (Здравствуйте! Поди! Помилуй!);

3) местоимения (То-то же!);

4) наречия (Полно! Куда!);

5) отдельные фразеологические обороты (Вот оно что! Вот так-так! Вот так история! Вот те раз! Еще что! Черт возьми! Дело – табак!).

В междометия переходят слова и сочетания слов из знаменательных частей речи, утрачивая свое лексическое значение и грамматические свойства.

Таблица 2.

Модели интеръективации [3, 468-472]

Модели интеръективации:	Примеры:
Существительное → междометие	Батюшки! Беда! Глупости! Караул! Право! Ужас! Вот так история! Раздался пронзительный, умоляющий вопль... - Братцы, что это? Братцы, оставьте! <u>Караул!</u>
Местоимение → междометие	То-то же! Он вообще уехал из города... – <u>Как!</u> Не может быть...
Глагол → междометие	Здравствуйте! Поди! Помилуй! <u>Помилуй</u> , да эдак ты гораздо интереснее!
Наречие → междометие	Полно! Куда!
Фразеологические обороты → междометие	Вот оно что! Вот так-так! Вот так история! Вот те раз! Еще что! Боже мой! Черт возьми! Дело – табак!

Рассмотрим следующие примеры.

Помилуй, да эдак ты гораздо интереснее! (Глагол переходит в разряд междометия). Междометие помилуй наполняется общим значением побуждения к действию.

Отдельные имена существительные могут быть использованы в функции междометий и междометных выражений. Например: Караул! Ужас! Вот так история! и др.

Сравним следующие предложения:

1. Раздался пронзительный, умоляющий вопль... – Братцы, что это? Братцы, оставьте! Караул!

2. Парады, караул, ученья – всё это оды не внушит, а только душу иссушит.

3. Он вообще уехал из города... – Как! Не может быть...

В первом предложении слово караул – междометие, не является членом предложения, во втором предложении слово караул – существительное, выполняет синтаксическую функцию подлежащего.

В третьем предложении местоимение как переходит в междометие и теряет грамматические особенности местоимения.

При переходе из одной части речи в другую, так или иначе, происходит некий сдвиг, смена одних свойств слова и появление других. В.В.Шигуров выделяет следующие признаки перехода слов из одной части речи в другую [7]:

- 1) Изменение синтаксической функции слова;
- 2) Изменение общеграмматического (категориального) значения слова;
- 3) Изменение синтаксической дистрибуции слова;
- 4) Изменение лексического значения слова;
- 5) Изменение лексической дистрибуции слова;
- 6) Изменение морфологических признаков слова;
- 7) Изменение морфемной структуры слова;
- 8) Изменение словообразовательных возможностей слова;
- 9) Изменение фонетических особенностей слова (ударение, сокращение фонемного состава).

Рассмотрим несколько примеров на интеръективацию (примеры взяты из словаря омонимов О.С. Ахмановой) [1]. В таблицу №1 мы включили

отсубстантивные междометия: междометия, образованные путём перехода существительных в разряд междометий.

Таблица 1.

Отсубстантивные междометия

Слово	Существительное	Междометие
БОЖЕ	1. <i>сущ., см. бог.</i>	2. <i>межд.</i> Выражает удивление, восторг, негодование и другие чувства. <i>Б., как здесь красиво! Б., как я устал!</i> ♦ Боже правый! (высок.) – восклицание, выражение удивления, восторга, гнева, печали. Боже (ты) мой! (разг.) – то же, что <i>боже</i> (во 2 знач.). Боже сохрани (или упаси, избави) (разг.) – то же, что <i>упаси бог</i> (см. <i>упаси</i>). Ни боже мой (прост.) – подчеркнутое отрицание, возражение.
БУМ	1. <i>сущ., -а, м.</i> Шумиха, искусственное оживление [<i>первонач.</i> о спекулятивном подъёме на бирже]. <i>Нефтяной б.</i> <i>Поднять б. вокруг чего-н.</i>	2. <i>межд. звукоподр.</i> О глухом и сильном звуке, напр. об ударе колокола, выстреле из орудия. Ни бум-бум (прост. шутил.) – совершенно ничего (не знать, не понимать).
ГОСПОДИ [<i>hó</i>].	1. <i>сущ. см. Господь.</i>	2. <i>межд.</i> То же, что <i>боже</i> .
АЛАВЕРДЫ	1. (существительное) - право либо очередь говорить тост за столом; сам тост, следующий после передачи слова.	2. (междометие) - в застолье: обращение к тому, кто должен продолжать тост; у кавказских народностей: «прошу слова» (хотя по обычаям не принято перебивать тостующего).
БЕЗОБРАЗИЕ	1. (существительное) – отталкивающее некрасивая внешность; уродство: Кавалеристы лежат под ногами усталых лошадей, и никто не думает, что одно движение лошади может нанести ему вред или вечное <i>безобразие</i> , как это иногда и случается.	2. (междометие) – употребляется для выражения возмущения: – <i>Безобразие!</i> – ворчал про себя Ворчун. – Сидишь вот и даже собственной тени не видишь
БЛИН	1. (существительное) - плоская тонкая лепёшка, испеченная из жидкого теста на сковороде: Что делать, если уже далеко не первый, а десятый <i>блин</i> продолжает прилипать к сковородке и выходит натуральным комом? плоский круглый предмет, диск: <i>штангист установил на штангу дополнительные блины.</i>	2. (междометие) - выражает любую сильную эмоцию: <i>Где-где, в автосалоне. Шутник, блин. Таранулька и Штенсель.</i>
ВИРА	1. (существительное) денежный штраф в пользу князя за убийство свободного человека в Киевской Руси: И передайте боярам да посадским в Новгороде, что отныне кончилась здесь дармовщина и не будет ни ясака, ни хабара, а коли торговать захотите – не забывайте Московскому князю пошлину платить, <i>вира</i> дороже станет.	2. (междометие) например, команда при подъёме тяжестей с помощью крана, лебёдки и т. п., соответствующая по значению: <i>поднимай! вверх!</i> <i>Год за годом, вира-майна.</i>
ПРОКЛЯТИЕ	1. (существительное) церковное осуждение, отлучение от церкви; анафема. Собор лишил их духовного сана, предал <i>проклятию</i> и осудил на заточение. Крайнее, бесповоротное осуждение, знаменующее полный разрыв отношений и отторжение. Отец послал ей на дорогу <i>проклятие</i> , а преследовать не заботился.	2. (междометие) выражает сильное раздражение, негодование. – Стойте, стойте, бога ради! Помогите, помогите, братцы! – кричу я; но топот дюжих коней, стук шашек и шумный казачий говор громче моего хрипенья – и меня не слышат! <i>О проклятие!</i> Я в изнеможении падаю лицом к земле и начинаю рыдать.

Слово	Существительное	Междометие
ЧУР	1. (существительное) у славян – далёкий предок, родоначальник. <i>Божеством, охраняющим род, дом был у них прежде всего Род, или Чур, Щур (т. е. дед, прадед, что ясно из употребительного пращур).</i>	2. (междометие) выражает требование соблюсти какое-либо условие, какой-либо договор (обычно в играх) <i>Только, чур, не подглядывать!</i> выражает боязливое пожелание избежать какой-либо опасности, избежать чего-либо неприятного (обычно в заклинаниях против «нечистой силы» и т. п.) <i>Ох, чур меня!</i>

По примерам из таблицы №1 видно, что при транспозиции существительных в междометия происходит изменение не только в семантике, но и в грамматических свойствах исходного слова, которое приводит к переходу его в иной лексико-грамматический класс.

Рассмотрим следующие примеры.

1. *Что делать, если уже далеко не первый, а десятый блин продолжает прилипать к сковородке и выходит натуральным комом?*

2. *Где-где, в автосалоне. Шутник, блин. Тарапунька и Штепсель.*

В первом предложении слово *блин* имеет вещественное значение, существительное в форме единственного числа, мужского рода и именительного падежа, выполняет синтаксическую функцию подлежащего. Слово изменяемое, имеет окончание.

Во втором предложении слово *блин* выражает сильную эмоцию. Это междометие, оно не изменяется, не имеет грамматических форм, не является членом предложения.

Нужно различать предлог «О» и междометие «О».

1. О, предлог. 1. С вин. п. Указывает на близкое соприкосновение, столкновение, пребывание вплотную к чему-н. *Опереться о край стола. Споткнуться о камень. Жить бок о бок с кем-н. (совсем близко, рядом).* 2. С предл. п. указывает на то, что составляет объект, предмет, цель чего-н. *Забиться о детях. Мечты о славе. Весть о победе. На память о нашей встрече.* 3. С предл. п. употр. при указании на наличие чего-н. у предмета (устар. и обл.). *Избушка о двух окошках. Крылечко о трёх ступеньках.*

2. О, межд. 1. Выражает какое-н. сильное чувство. *О Родина-мать! О, если бы ты знал!* 2. Усиливает утверждение или отрицание. *О да! О нет!* [1]

Также нужно различать частицу «то-то» от междометия.

ТО-ТО, частица. Разг. 1. Употр. в ответной реплике для подтверждения главного в словах собеседника; в том-то и дело, вот именно. Я понял, что не прав. – Вот то-то. Я замёрзла. – То-то, возьми одеяло. Все болезни от нервов. – То-то и оно. 2. Употр. в ответной реплике для выражения удовлетворения словами или поступком собеседника. Извини, я погорячился. – То-то же. 3. Употр. для выражения внезапно возникшей догадки в значении; так вот почему. То-то она плачет – сильно обидели. Я болею. – То-то тебя не видно на работе! Хочу поменять

квартиру. – То-то ты пишешь с утра до ночи объявления. 4. Употр. для усиления восклицания, выражающего какое-л. сильное чувство, оценку. То-то радости! То-то все испугаются! То-то будет шуму!

ТО-ТО, межд. Разг. 1. Возглас при подчеркивании главного в предшествующей речи, соответствующий по значению сл.: *вот именно! в том-то и дело!* 2. Возглас, выражающий удовлетворение словами или поведением собеседника и соответствующий по значению слову: то-то же! Ну то-то же! [1]

Интеръективация на основе глаголов менее продуктивна в русском языке, ибо в класс междометий переходят, как правило, глаголы в форме повелительного наклонения. В русском языке есть междометие «здравствуй» («здравствуйте») – «восклицание, выражающее удивление, недоумение, досаду и т.д.» от глагола «здравствовать» – «быть живым, здоровым, находиться в благополучном состоянии». «Здравствуйте! Они явились наконец-то!»

Таким образом, рассмотрев один из типов транспозиции – интеръективацию, мы пришли к следующим выводам:

1) в русском языке использование одной языковой единицы (слова, формы, конструкции) в функции другой языковой единицы встречается довольно часто;

2) в русском языке наблюдается интеръективация как переход слов в класс междометий, не являющихся ни знаменательными, ни служебными лексемами;

3) в разряд междометий могут перейти как знаменательные части речи (существительное, местоимение, глагол, наречие), так и служебные части речи (частицы, предлоги);

4) при интеръективации частей речи происходит изменение не только в семантике, но и в грамматических свойствах исходного слова, которое приводит к переходу его в иной лексико-грамматический класс;

5) переход знаменательных слов в междометия характеризуется тем, что такие слова утрачивают свою основную синтаксическую функцию и получают другое назначение в речи; изменяемые слова теряют способность изменяться;

6) транспозиция знаменательных и служебных частей речи в междометия происходит только окказионально, т.е. мы наблюдаем это явление только в определённом контексте;

7) наши исследования подтверждают, что интеръективация является малопродуктивным типом транспозиции.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – М., 1986. – 448 с.
2. Жумаева Ф.Р., Мискинова Г.М. Транспозиция на уровне лексико-грамматических разрядов внутри частей речи. – Журнал: «Образование и инновационные исследования», №3. – Ташкент, 2021. – С. 15-20
Электронный ресурс - <https://interscience.uz/index.php/home/issue/view/13>
3. Жумаева, Ф. Р. Типы транспозиции частей речи в современном русском языке / Ф. Р. Жумаева. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 47 (389). – С. 468-472. – URL: <https://moluch.ru/archive/389/85522/>
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая рос. энцикл., 2002. – 708 с.
5. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 1976 год. Источник: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/linguistic-terms/index.htm>
6. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. - М.: Рольф, 2003. – 448 с.
7. Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освящении. Учебное пособие. – Саранск: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – 88 с.

PAPERS IN ENGLISH**PHILOLOGY****LITERARY CRITICISM**
**LITERATURE OF THE PEOPLE OF THE COUNTRIES OF ABROAD
 (WITH INSTRUCTIONS OF THE CONCRETE LITERATURE)**

DOI - 10.32743/UniPhil.2021.90.12.12734

**A WOMAN AS AN IMPLEMENTATION OF LOVE PRAISED IN POEMS
 OF THE 13TH BOOK BY HAKOB MEGAPART**
Narine Shahbazyan

*Applicant for the Department
 of Armenian Ancient and medieval literature and its teaching methods
 Armenian State Pedagogical University named after Khachatur Abovyan
 Armenia, Yerevan*

E-mail: shane.shahbazyan@mail.ru
**ЖЕНЩИНА, КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ЛЮБВИ,
 ВОСПЕТА В СВЕТСКИХ СТИХАХ 13 КНИГИ АКОПА МЕГАПАРТА**
Шахбазян Нарине Хачиковна

*соискатель кафедры армянской Древней и средневековой литературы
 и её методы обучения, АГПУ им. Х. Абовяна
 Армения Ереван*

E-mail: shane.shahbazyan@mail.ru**ABSTRACT**

The article presents the poems of Hovhannes Tlcurantsi, released in the *Book of Songs*, published in 1513 by the Armenian printing pioneer named Hakob Megapart. The *Book of Songs* is extremely valuable because Tlcurantsi's poems about love were first published there. In fact, Hakob Megapart introduced them into a wider scientific circulation in accordance with the era of the Great Italian Renaissance. And for the first time, the article mentions the poems, which tell about the medieval poet, who values earthly life and describes female beauty and love.

АННОТАЦИЯ

В статье представлены стихи Ованеса Тлкуранци, опубликованные в "Песеннике", напечатанном в 1513 году армянским первопечатником Акопом Мегапарт. Ценность Песенника состоит в том, что именно в нем впервые были опубликованы стихи о любви Тлкуранци. Фактически, Акоп Мегапарт ввел их в более широкий научный оборот в соответствии с эпохой Великого итальянского Возрождения. И впервые в статье упоминаются те стихи, где средневековый поэт ценит земную жизнь, описывает женскую красоту и любовь.

Keywords: the Book of Songs, Middle Ages, Hovhannes Tlcurantsi, a love song, the love of life, a woman.

Ключевые слова: песенник, средневековье, Ованес Тлкуранци, песня о любви, любовь к жизни, женщина.

One of the greatest artistic values created in the history of mankind is medieval Armenian poetry, which has had masters of solemn and profound speech since Grigor Narekatsi. The roots of medieval Armenian

poetry are deep. Medieval lyric poetry is the Armenian spirit, the Armenian identity; it is the real victory of the Armenian spirit in world history, i.e., this is V. Brusov's assessment of medieval lyric poetry [5]. Under the veil

of religion, medieval writers raised secular topics, referred to human being and their feelings. In the first Book of Songs of secular and spiritual songs, there are also the poems of the medieval poet Hovhannes Tlkurantsi, where the woman became an inspiration for the creator, acting as a divine gift. The Book of Songs is a fiction book, a wonderful collection of secular and spiritual songs, including works by medieval Armenian poets such as Grigor Narekatsi, Frik, Hovhannes Tlkurantsi, Mkrtych Naghash and others. It is one of the five books published by the first Armenian printing pioneer Hacob Meghapart. It was printed in 1513. This Book of Songs is important because Tlkurantsi's love poems are published there for the first time. In fact, Hacob Meghapart puts them into a wider scientific circulation. The year of 1513 coincides with the Great Italian Renaissance, where the soul and the body come together. It is not accidental that H. Meghapart entitled his Book of Songs as 'This is the Book of Songs of soul and body.

In his secular poems a medieval lyrical poet values earthly life. The cult of the real world is poetically embodied in the praise of female beauty and love, the impression left by them, and the power of their influence. Tlkurantsi pushes a man to love life; he gives a new vitality through a woman and love. We find the poems full of love in the Book of Songs of the soul and body of Hacob Meghapart. He was the publisher of the first books in Armenian letters, where every poem is still

moving and causes aesthetic pleasure. In the song of love by Tlkurantsi, embedded in his Book of Songs, there is elegance and emotion, every image, every word that the poet dedicates to a woman is touching. Tlkurantsi honors the woman, even mentioning that she is loved even by God. The poet poem begins with 'A thousand Josephs are your servants':

'Lily, basilica, and violet, as well as water lily, rose in the bosom. Immortal apple and quince, pomegranate, and orange and red rose. Your lap is a paradise of immortality, a paradise with immortal fruit' [1, p. 79].

The *Book of Songs* is cognitively valuable; the poems of Tlkurantsi reveal human feelings, emotions and generalize many features of love psychology. In these poems, the infinitely rich mental world of a loving person becomes as clear as a mirror, as well as the woman who colors and fills that world with love. There is infinite elegance and emotional saturation, for example, in the poem *It Shines like the Sun*. The woman we meet here is exemplary of the best creatures, she is beautiful and enchants the poet, makes him indulge in cosmic mystery with lofty ideas. The poet one hand admires the beauty of the woman, once on the other looks at the sky to understand the mystery of charm and enchant by a creature created out of the earth. The love singer either begs pardon, or merges with the immortal essence of the universe, the universe where the existence of love is acceptable and blessed:

"You are an example of the best, and no mother gave you birth.
 White forehead and eyes, light face with courtesy and kindness.
 You throw rose with your stringed lips, you break fortresses with your swing neck.
 You are beautiful in every way; nobody can be just like you.
 But what can I do, if there is no issue, I am in the midst of mortal sin.
 I look at you, I look at Him who created you out of earth" [1, p. 79].¹

The love singer Tlkurantsi praises the beauty of woman freely and with impetuosity; moreover, he claims that God created woman for love, so love is God-given, it is specific even to God.

God-given woman is loved either by man or by God. Love is in the essence of a man and the woman was created to be loved. In such lines we find the justification by a love poet of the right of lyric poetry existence:

"You are an example of the best creatures; either God loves you or a man" [1, p. 78].

Each of Tlkurantsi's poems included in the *Book of Songs* is a gift of love, each line shows how perfect the feeling and image of beauty are in the poet. What could

be more charming and enchanting than spring sun, the moon in bright autumn, the flowers more fragrant than incense? Such comparisons are inexhaustible in the poems of the love singer; they create impressive images of female beauty, as he expresses the happy tenderness and harmony of the feelings and emotions of the loving hearts. In the poems of Tlkurantsi, a woman gives life, her lap is a paradise of immortality, her appearance heals the sick, a person next to her will neither die nor grow old.

The poem "Come and see, come and see, my beautiful face" is one of the greatest artistic values of medieval Armenian secular literature, where a woman is honored and glorified, her role is valued:

"Come and see, come and see, my beautiful face" glory and honor to your Creator,
 You come from the Garden of Eden, blessed is your name.
 Come and see, sun of spring, Come and see, bright moon of autumn,
 Your sight is a doctor to the sick, health to the fever.
 Your lap is the paradise of immortality, to turn away the emaciated soul,
 Not to die, not to grow old, not to turn yellow on the face [1, p. 75].

In the poems of Tlkurantsi, the rich mental states of the beauty and joy of love, bright sorrow and torment, happiness and longing follow each other. His poems

evoke admiration with beautiful and poetic images of emotions. In the poems of the love singer one come to know the human soul, the inner world and the feelings.

¹ Ibidem, p. 78.

The woman becomes a book read line by line with her whole being, readable, comprehensible to the reader with her diversity. Tlkurantsi, a great artist in creating a visual image, presents woman in a different way in every poem, be it a description of her mental state or physical beauty. He perceives the beautiful and impressive features of a moving body with amazing delicacy, creates comparisons and gives an image where the woman with her beauty acquires a powerful artistic image.

The love singer Tlkurantsi dedicates beautiful words to all women, this is evidenced by his poem *I saw you sitting in love*, which seems to have become an inspiration for Naghash Hovnatan when he praised *Georgian Beauties*:

"I have seen you like a light,
as the brightness of the rising sun,
My heart was burning with bright fire,
I stayed like a fool to be tied" [1, p. 80].

"You have eyes like seas, you have eyebrows more dark than twilight clouds,
Your neck is luminous and your lips red and teeth like pearls.
If the archimandrite sees you, he forgets about education and a lot of books.
Everybody trembles, the summer passes and winter comes" [1, p. 83].

Tlkurantsi's poems written in Middle Armenian originated such a love poetry in medieval literature that lacked allegorical descriptions. Tlkurantsi expressed his thoughts and feelings, his emotions and impressions with these poems. These lyrical poems are not just words expressing an emotional attitude; they reveal Tlkurantsi himself and his emotional world. Becoming direct expressions of thoughts and moods, these lyrical poems act as a confession of the medieval poet. In his poems, the love singer almost always talks about his sensual world, his feelings, his thoughts and the pain that torments him. Nevertheless, it is also an expression of the sensual world of the man living in his time. His poem is an expression of the feelings of all social layers. There is a longing for life and love in his songs; his emotions are valuable, because they express the elevated and sublime feelings of the human being; this is the genius of the poet Tlkurantsi. The great poet speaks about himself, about his self, about the general, about humanity, because in his words there is everything about the human life. "And that is why in his sadness everyone will recognize his own sadness, in his soul everyone will

With this principle of image creating, Hovhannes Tlkurantsi created influential artistic values, touching on the themes of nature, love and philosophic meditation. He not only wrote them, but also wrote music as a composer. He was a singer-songwriter which meant a poet-musician like Nerses Shnorhali [2]. It should be noted that the great lyricist calls himself a speaker, which means an inventor and at the same time a loud reader. In the last quatrains of his poems we often find such ending lines as "Foolish Hovhannes Tlkurantsi, you will say something completely different" when the lover mentions his name and calls himself a speaker.

Singer-songwriter Hovhannes Tlkurantsi sings woman and love, he sings like a thirsty lover, praises his beloved woman with extravagance: "bright as fire", "red rose petal", "tender as the moon", "warm as the sun", "as blond as gold"; then he mentions that love is a feeling that has existed since the time of creation, the powerful force of which even a monk is incapable to endure.

recognize his own soul, he will see in him not only the poet, but also the man, all the humanity": This is how Belinsky describes the poet who expresses universal feelings and emotions [3]. Tlkurantsi sings love, the joy it brings and the woman who gives love. In his poems we find the image of a beautiful woman who is enchanting and endowed with such power that "she burns the earth with fire", "she breaks high fortresses with love". The woman burns the heart of the poet with an angry fire, separates the soul from the body, takes the mind, burns it and turns it to ashes, but also "intoxicates with a sweet smell", enlivens and makes happy at a glance. Every song by Tlkurantsi in the *Book of Songs* is a song of sweetness evoked by love, a song of love that makes a man flourish "more than an incense tree", a song about a woman who is a source of joy, a source of immortality; that is why the lover sings a love song.

"Anyone who loves you will never die
and his face will not turn yellow.
Glory and honor to your parents,
glory and honor to your Creator" [1, p. 81].

References:

1. Haçob Meghapart, *Book of Songs*, Venice, 1513.
2. M. Abeghyan, *History of Ancient Armenian Literature*, Book II, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, Yerevan, 1946, page 80.
3. V.G. Belinsky, *Selected Philosophical Works*, Vol. 1, 1954, p. 317
4. V.Brusov, *Poetry of Armenia from Ancient Times to Our Days*, Yerevan, 1966, p. 43.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал

UNIVERSUM:
ФИЛОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

№ 12(90)
Декабрь 2021

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 54436 от 17.06.2013

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, улица Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: mail@7universum.com
www.7universum.com

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3
16+